

ЕЛЕНА КОЗЛОВА

*По следам
моей памяти – 2*

Елена Козлова

По следам моей памяти – 2

Издательство «Четыре»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Козлова Е. И.

По следам моей памяти – 2 / Е. И. Козлова — Издательство
«Четыре», 2026

ISBN 978-5-908132-66-4

Что остаётся от детства, когда годы уже унесли школьные звонки, дворовые секреты, первые страхи и первые победы? Иногда всего одна фраза, один смешной случай, один взгляд учителя, одно чувство стыда или радости. А иногда из этих живых осколков складывается целая книга. «По следам моей памяти – 2» – продолжение искреннего и тёплого разговора автора с читателем. В девятнадцати рассказах оживает прошлое: детство, где дружба была крепче любых обещаний, семья держалась на заботе и уважении, а школа оставалась в памяти местом, где вместе с уроками приходило понимание людей, себя и жизни.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-908132-66-4

© Козлова Е. И., 2026
© Издательство «Четыре», 2026

Содержание

У моей Родины глаза голубые...	6
Спасайся кто может!	11
Шухер! Машка идёт!	16
На театральных подмостках...	24
Гармонь моя да гармоночки...	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Елена Ивановна Козлова

По следам моей памяти – 2

© Е. Козлова, текст, 2026

© Издательство «Четыре», 2026

У моей Родины глаза голубые...

Как же я любила уроки чтения и чистописания! Уютная маленькая школка на краю нашей деревни до сих пор рисуется особыми красками в моих снах. У доски Ольга Михайловна Цветаева, любимая учительница. Она была всегда для нас, деревенских мальчишек и девчонок, волшебницей из русских сказок, на которую мы смотрели с особым обожанием. Каждый ждал от неё похвалы за урок или за отдельное задание как манны небесной.

Учительница с изяществом выводила на доске слова. Особенно мне нравилась заглавная буква «Р» в слове «Родина». Ольга Михайловна эту букву не просто писала, а вырисовывала, придавая ей особое значение. Наверху палочки была интересная крышечка с завитками по обеим сторонам, словно речная излучина. И то, как крышечка усаживалась на основание буквы, напоминало подберёзовик. Ведь именно у подберёзовика такая тоненькая ножка, увенчанная большой шляпкой-зонтиком.

Мы с удовольствием рассматривали эту «Р» и хором читали по слогам: «РО-ДИ-НА». Учительница улыбалась и просила нас написать волшебную букву три строки кряду, а потом мы добирались и до всего слова. Так родина укоренялась в наших сердцах. Ольга Михайловна спрашивала нас потом, о чём мы думали, когда старались выводить каждую букву этого удивительного, такого родного всем слова. Мы шумно обсуждали, чем отличаются понятия «Родина» и «Малая родина». Так, видимо, она зарождала в нас любовь к своей стране, к родным просторам, к деревне...

Особенно мне запомнился один разговор на уроке, который я часто воспроизвожу в своей памяти. Учительница просила продолжить мысль: «У моей Родины...» Вот тут-то каждый из нас выкладывался по полной, изоощрялся.

– У моей Родины много лесов, полей, – выкрикнул отличник Виктор. Ребята подхватили эстафету.

– А у моей Родины много людей! – продолжила Танюшка. И все хмыкнули.

Ольга Михайловна никогда никому не говорила, что кто-то не прав в своих рассуждениях или ответил как-то не так. Она лишь дополняла сказанное. Например, после Таниной реплики учительница похвалила нашу одноклассницу, объяснив, что мы живём в огромной стране, Советском Союзе. И действительно наша Родина – многонациональное государство, где проживает огромное количество людей. Хотя мне и многим моим одноклассникам Танин ответ показался нелепым. И каждый раз, когда кто-то, как нам казалось, отвечал невольно, учительница филигранно выплетала речевое кружево своих учеников, выравнивала узор любого ответа. Вот такая она была, наша Михална, как звали её в деревне.

Всю свою учительскую силу и любовь она вкладывала в нас, маленьких шалопаев. Ольга Михайловна вела себя так, словно ей нравились все ответы, даже самые несуразные.

– У моей Родины всяких зверьков видимо-невидимо! – продолжил кто-то.

– Да, – отвечала она. – Наша необъятная Родина богата животным и растительным миром.

Ученик радовался своему ответу. У него словно крылья вырастали.

– А у моей Родины много дураков и плохие дороги, – неожиданно выкрикнул Митяй-шалопа. – Батя так говорит.

– Ну что ж... в чём-то твой отец прав. В русских народных сказках всегда процветали Иванушки-дурачки, пройдя нелёгкие испытания. Но ведь все эти Иванушки-дурачки – великие труженики. В конце сказки именно Иван-дурак – самый счастливый человек, своим трудом добившийся многого. Так ведь?

– Та-а-а-а-к, – протянул Митька. – А дороги?

– А что дороги? Есть хорошие, устойчивые. А есть – колея непроезжая. Так это от ворогов. Чтобы ни один враг не мог передвигаться по нашей земле. Чтобы не смог проникнуть в наши жилища. Чтобы застрял в непролазных лесах. Выходит, плохие дороги – наша защита. – И все дружно захлопали в ладоши от радости.

Прошло много лет. Мне сейчас девяносто с хвостиком, а я всё вспоминаю её учительские мудрости, добрые поступки. Её необыкновенную любовь к Родине, к каждой травке на лугу, к каждому цветочку. Помню, как она привела нас в берёзовую рощу. И одухотворённо сказала: «Посмотрите, ребята, это же какой-то храм белоствольный! Здесь каждому деревцу хочется отдать поклон и перекреститься, словно перед Богородицей». Она самозабвенно начала кланяться берёзам, благодарить Бога за подаренный людям рай. А мы вторили ей, тоже кланялись белоствольным красавицам под лёгкий песенный шум зелёной листвы. Потом она словно прошептала, что у каждого человека должно быть своё деревце, которое хотелось бы обнять. И мы глазами примерялись к берёзовому хороводу, чтобы выбрать свою берёзоньку, как невесту в день Ивана Купалы. Она научила нас разговаривать с деревьями. Мы с удовольствием обнимали берёзку, полюбившуюся в роще, и, обняв её нежно, нащёптывали ей свои секреты. И так потом было легко на душе. А с учительницей рядом тепло и уютно.

Я по сей день думаю: интересно, есть ли сейчас такие учителя, как она?

И вновь память возвращает меня в моё беззаботное детство. Я вспомнила ещё один ответ, который ввёл нас на уроке в ступор. Нас! Только не учительницу. Вдруг неожиданно молчаливая Тонечка, которую вообще невозможно было разговорить, произнесла ангельским голоском:

– У моей Родины глаза голубые...

Ребята разразились громким смехом, а Тонечка заплакала. Класс притих. Ольга Михайловна подошла к ней, нежно погладила по головке, приобняла за плечики и сказала:

– Тонечка, какая ты умница! Надо же найти такое сравнение для наших русских рек и озёр! – И учительница восхищённо посмотрела на девочку. – Наши реки и озёра, ребята, – это чистые, голубые, красивые глаза нашей Родины. Давайте подумаем, а какого цвета волосы у Родины? Тонечка, какие? – И наша подружка подняла не просохшие от слёз глаза и сказала:

– Цвета ржи.

– Молодец! – похвалила Ольга Михайловна Тоню. – Конечно, цвета ржи! А причёска Родины с колосками, васильками, веточками Иван-да-Марьи и ягодами спелой земляники... И куда ни взглянет наша Родина, везде красота просыпается. Птицы поднимаются ввысь и одаривают нас своими песнями. Рыбы плещутся, играют в прятки, перегоняя друг друга. А звери на ярмарку собираются...

– Это как? Звери на ярмарку? – почти шёпотом спросил Минька.

– Очень просто. Им же надо свои шубки показать? Такое богатство на плечах носят!

Она смотрела на нас магнетическим взглядом, а мы на неё, на нашу волшебницу. Господи! Сколько в ней было добра, человечности, мудрости. За это мы все без исключения любили Ольгу Михайловну всем сердцем.

Так сложилась судьба, что моя младшая дочь Лена стала учителем. И я очень часто рассказывала ей про свою учительницу начальных классов из маленькой деревенской школы. Почему-то мне очень хотелось, чтобы дочь переняла эту манеру общения с детьми. Чтобы непременно была похожа на Ольгу Михайловну. А иногда мне просто хотелось в щёлочку взглянуть на то, как моя Ленка общается с ребятами. Стеснялась попроситься к ней на урок. Но случай заставил меня отказаться от этой затеи.

Однажды я пришла в школу, принесла Ленке варенье из яблок. Она его очень любит. Жили мы тогда уже с ней отдельно. Попала я в самую перемену. Пробираюсь по стеночке на второй этаж. В школе содом и гоморра! Шум! Гам! Все куда-то бегут, выпучив глаза. Орут на нечеловеческом языке. Я остолбенела. Встала, как конь перед волком, и глаза закрыла. Кто-то взял меня за руку. Открыла глаза. Ленка!

– Дочка, это что? Конец света или кордебалет юных чертей?

Ленка засмеялась и повела меня вниз.

– Ма. Не волнуйся, это нормально. Перемена. А девчонки мне говорят: «Ленка, спасай мать, она там топчется среди наших учеников».

– Какие же это ученики? Это бесы! Школьная вакханалия. Я такого ещё никогда не видела.

– Ма. Ну ты чего? Они сейчас все подвижные. Засиделись за партами. Им надо выплеснуть накопившуюся энергию.

– Господи помилуй! Лена! Это же ад крошечный!

– Ма. Пошли, я тебя выведу. В следующий раз позвони в учительскую, я сама за вареньем прибегу, ладно?

– Лена, как же мы пойдём? Они снуют туда-сюда. У меня голова кругом! – сказала я и пошатнулась от страха. А Ленка как заорёт во всю глотку:

– А ну-ка встали все! Разошлись по сторонам!

Дети на неё среагировали сразу, встали как вкопанные по обе стороны лестницы. У меня от неожиданности поползли глаза на лоб. Ленка увидела мои окуляры и внушительным голосом произнесла:

– Дайте выйти пожилому человеку!

Все замолчали, провожая нас взглядом.

Из школы я вышла в ужасном состоянии. Снова вспомнила свою учительницу – Ольгу Михайловну. Пожелала ей царствия небесного и зашагала домой. А дома всё думала: нет, не будет моя Ленка такой. Ну что ж, она другая, и дети другие. Потом не раз я пыталась поговорить с дочкой, как дела в школе. Она бросала короткое «нормально» или отвечала: «Я не хочу тебя расстраивать, ты очень впечатлительная».

И всё же я решила не опускать руки. Начала воспитывать по подобию Ольги Михайловны своего внука Димку, ученика начальной школы. Уж больно мне хотелось, чтоб он вырос, как говорит моя Ленка, патриотичным ребёнком. Чтоб Родину любил и чувствовал её красоту.

Сочинения писали с ним вместе. Я ему подаю идею, он пишет. Смотрю, всё чего-то не хватает. А он не расстраивается, говорит: «Ба, и так сойдёт». Я всегда любила ему что-то рассказывать. Он умел слушать, но только то, что ему очень нравилось. Впитывал каждое слово как губка. Хорошо пересказывал, почти близко к тексту. Значит, память есть. Уже хорошо. Но патриотизма не хватало в нашем общении. Я и так и сяк про красоту края, деревни нашей рассказываю. Про детство своё, конечно же, про школу. А он мне через некоторое время: «Ба, давай поиграем» – вот тебе и вся патриотика.

Хотя нет. Однажды всё же мы очень патриотично подготовились к уроку литературного чтения. Его учительница, Елена Михайловна, кстати, подруга моей Ленки, задала на дом чтение и пересказ одного из рассказов сборника «Жизнь и деятельность Ленина». Читали вслух: надо ж выбрать, чтоб к душе. Димка отнёсся с пониманием. Он – октябрёнок! Должен соответствовать. Я жду, когда он скажет, что выбрал. Прочитали много. И рассказ о том, как Ленин сидел в тюрьме, тоже. Вдруг внук вскакивает с места как ошпаренный и говорит:

– Ба, а давай разыграем эту сцену. Я буду Ленин, а ты жандарм.

Это предложение было для меня большой неожиданностью, но я смирилась, внук всё же.

– Хорошо, – говорю. – Жандарм так жандарм.

По тексту Ульянов-Ленин Владимир Ильич, находясь в тюрьме, делал из мякиша хлеба чернильницу, вливал туда молоко и писал молоком статьи на волю своим соратникам. Которые потом проглаживали листы утюгом или нагревали над свечой. Так появлялся текст какого-нибудь обращения к народу. И никак жандармы не могли разгадать уловку Ленина. А при появлении стражей порядка Ленин с удовольствием съедал «чернильницу» вместе с «черни-

лами». Вкусно и полезно! Листы просматривались надзирателями, но ничего подозрительного не обнаруживалось.

Внук был в восторге от такого фокуса, вот и предложил мне ленинскую авантюру. Готовились недолго. Нашли кепку, как у Ильича. Взяли старую у деда, в которой он на рыбалку ходит. Димка виртуозно слепил чернильницу из белого душистого батона хлеба: отрезал край, подрезал округлую часть для устойчивости и вытащил весь мякиш. Я налила в неё молока. Зубочистка сошла за ручку с пером. Рассыпали по столу чистые листы бумаги. Всё чин чинарём. Вдруг он посмотрел на меня и сказал:

– Ба. Ну какой ты надзиратель-жандарм? В халате, ещё и с фартуком.

– А что надо?

– Переоденься. Всё должно быть как в тюрьме.

– Святой Боже! Что ж я надену?

– Вон дедову плащ-палатку возьми примерь. Капюшон будет вместо картузика.

– Ты про картуз откуда знаешь?

– Елена Михайловна рассказывала, что такие раньше были головные уборы у жандармерии.

– Молодец ваша Елена Михайловна. Но в таком виде я больше похожа на Ивана Сусанина.

– Не, ба. На разбойника с большой дороги.

И мы с ним расхохотались. Очень уж нам нравилась вся эта ленинская кутерьма. Потом решили начать.

Димка сделал серьёзное, сосредоточенное лицо. Про себя я отметила: такое же, как у вождя мирового пролетариата. Я наблюдала за ним, спрятавшись за косяк двери. Он тоже бросал на меня косые взгляды и что-то писал. Окунёт зубочистку в молоко и пишет. И с таким чувством он это делал, что я подумала: «Интересно, что он там пишет? Каляки-маляки? Или всё-таки слова?» Я поймала себя на мысли, что он весь там, в этом письме. Он Ленин. Сомнения нет. А вот то, что я жандарм-надсмотрщик, у меня было большое сомнение. Однако роль надо играть.

– Ба, ну ты чего тормозишь? Твой выход. Я много чего уже написал.

Я будто проснулась. Постучала о косяк и вкрадчивым грубым голосом заговорила:

– Так. А что это вы там пишете, господин Ульянов? А?..

И я медленным шагом стала приближаться к столу, делая грозный вид жандармского предводителя.

Димка-Ленин изловчился и хватить со стола хлебную чернильницу, где молока совсем уже не было. Всё было истрачено на документ для народа.

– Что это у вас там? В руке?

– Ничего! – И он затолкал хлебный шедевр целиком в рот.

Я не шевелилась. Не дай Бог подавится. Наблюдала за тем, как он поедает чернильницу Ильича и разводит руки в стороны. Трудно было понять, что он говорил с набитым ртом. А напротив стою я, улыбающийся страж тюремного порядка, и влюблёнными глазами смотрю на происходящее.

Когда всё было съедено, он рванулся к листам и начал их хватать обеими руками. Я решила продолжить надзирательское гнусное дело:

– Дайте-ка мне эти листочки, господин вождь русского пролетариата.

– Пожалуйста! – И он сделал такой реверанс, что я опять заулыбалась. – Берите! Берите! Там ничего нет.

Я взяла полусырые листы и стала делать вид, что смотрю скрупулёзно, поднимая листы вверх и просматривая их на свету солнца в окошке.

– Можете не стараться, там ничего нет. Вам показалось, что я пишу. У вас галлюцинации.

Я сделала вид, что разозлилась на моего Ленина. Бросила листы на стол и удалилась, хлопнув дверью. Это было феерично!

Димка упал со смеху на стол, дрожа худенькими плечиками. Смех его был звонким и очень заразительным. Я скинула с себя тяжёлый рыбацкий плащ и в облинии бабушки Вали вошла на кухню. Мы обнялись. Долго хохотали, пересказывая друг другу свои впечатления. И такая была на сердце благодать. Бабушка и внук в едином порыве счастья и взаимопонимания!

Потом Димка предложил:

– Ба, а давай посмотрим, что я написал. Неси свечку.

– Мне очень интересно узнать, что же ты так терпеливо выводил молоком.

Я достала из шкафчика свечу, аккуратно зажгла её. И предложила внуку самой провести криминалистическую процедуру, чтобы он случайно не обжёг пальцы. Он кивком дал понять, что не возражает. Я медленно и аккуратно стала водить под листом бумаги, боясь поджечь Димкин шедевр тюремно-эпистолярного жанра. И вдруг на моих глазах появились ломаные буквы, неровные, пляшущие по листу. Но разобрать было можно. Я погасила свечу и прочитала: «У моей Родины голубые глаза».

Сердце моё выскакивало из груди. Значит, запомнил он мои рассказы о детстве, о деревне, о Родине. Слёзы хлынули потоком. Димка стоял растерянный, а потом уткнулся мне в живот, обвивая меня худенькими ручонками. И я, с комом в горле, дрожащим голосом выдавила:

– Да!.. Ещё какие голубые!

Спасайся кто может!

Как же приятно вспоминать дни, проведённые в пионерском лагере! Вдвойне приятно, если ты вожатый. И каждый час, каждая минута наполнены радостью и счастьем. Мы были молоды, полны энергии и желания воспитывать детей. А главное, мы были отличной вожатской командой, которая, натрудившись днём, могла часть ночи посвятить общению между собой. Поэтому мы все любили свой «Изумрудный», где прошли лучшие годы нашей жизни.

Сколько влюблённых пар родилось именно в лагере! Любовь витала здесь повсюду: от лёгкой прозрачной волны Белого озера до верхушек заматерелых сосен. И сам воздух был наполнен любовью. Благодатный край!

Здесь работали целыми семьями, династиями, поколениями «изумрудовцев». И кто хоть один раз вкусил настоящей пионерской жизни, познал крепкую лагерную дружбу, тот до конца своих дней был предан «Изумрудному».

Я девятнадцатилетней девушкой приехала первый раз в качестве вожатой в 1980 году, в год московской Олимпиады. И до двухтысячного года без перерыва проработала в лагере. За добрых двадцать лет у меня появились сотни друзей не только из вожатского состава. Меня знали все дети и родители нашего района. А поскольку я была не замужем, после окончания учебного года мчалась в наш «Изумрудный», где меня ждала вожатская семья, крепкая и преданная нашему общему делу.

Так я прошла тернистый путь от отрядной вожатой до заместителя директора лагеря по воспитательной работе. В последние годы я даже сама набирала отряды вожатых, обучала студентов педагогических вузов, готовила их к работе в «Изумрудном». И, конечно, по огромному опыту работы считалась корифеем лагерной жизни. А также устрашением лагерных хулиганов и нерадивых вожатых. Были и такие!

Меня откровенно боялись и уважали. Как же часто я слышала выкрики при моём появлении: «Спасайся кто может!» Ведь моя фигура возникала всегда неожиданно и в самый неудобный для кого-то момент. Однако сама я не считала себя громом и молнией. Мне казалось тогда, что я обязана держать дисциплину во всём лагере. И держала. Но держала с умом. Всегда находила какой-то компромисс. Оглядываясь на прожитое, убеждена: во всём нужна мера. А в строгости особенно.

Помню, как двое ребят из старшего первого отряда нашкодили. Они закрыли своего вожатого Гешу на веранде со стороны двух выходов так, что он не мог выбраться на свет божий. Пришлось выставлять стекло из оконной рамы, вылезать и бежать опрометью за своим отрядом, который должен был вовремя прибыть на утреннюю линейку. Когда это шалопайство вскрылось, надо было найти меру наказания, чтобы больше это не повторилось.

Недолго думая, я решила применить трудотерапию. Вызвала к себе на ковёр двух неразлучных друзей, Мишаню и Лёху, как звали их в отряде. Сначала прочистила им мозги, потом провела внушительную беседу и сказала, что искупить свою вину они смогут, только принеся пользу обществу. Они переглянулись и заговорили:

– А чё делать? – спросил Лёха.

– Да! Чё? – продублировал Мишаня.

Они всегда были рядом и повторяли фразы друг за другом, копировали поведение. Это были два клоуна, как говорили ребята в отряде. Весёлые, неконфликтные, но выдумщики невероятные! Где они, там смех и веселье. На мои нравоучения, что так, как они поступили со своим вожатым, не поступают, они ответили: «Мы пошутили». Я была возмущена! Что это за шуточки? Это же разрушение авторитета вожатого! Как можно этого не понимать! И я металлическим голосом сказала:

– Берём в руки орудия труда (и подала им метёлки) и начинаем приводить в порядок территорию линейки, куда вы так активно шествовали без своего вожатого.

– Ого! – удивился Мишаня и присвистнул.

– Ничего себе! – присвистнул ещё продолжительнее Лёха.

– А что вы удивляетесь? Какова шутка, таково и наказание. Мусор убрать! Чтобы ни одной иголки от ёлки я не увидела.

– Иголки от ёлки! Шишки от мартышки! – парировал Мишка.

– Ветки от беседки! Верхушки от кукушки! – подхватил Лёшка.

– Юморите, да? Рифму я оценила. Хочу оценить работу метлой. Вперёд!

Они синхронно почесали затылки и принялись, не возражая, за работу. Я пошла в свой кабинет, который одновременно являлся радиоузелом. Отсюда ежедневно вылетала в эфир разная информация, которую передавала в микрофон я. Все знали мой голос и всегда внимательно слушали то, о чём я говорила.

Кабинет мой находился на первом этаже, обзор прекрасный. Смотрю, два брата-акробата как на ладони. Стоят и осматривают фронт работ. Они заметили, что через широкое окно я слежу за ними. Сразу взялись за работу рьяно. Я посмотрела минуты три и занялась своими делами. Думаю, куда они денутся, вылизут территорию линейки всё до шишечки, до игопочки. А я уж потом выйду и оценю их старания.

Сколько прошло времени, не помню. Только в какой-то момент в мою дверь постучали, и на пороге нарисовалась вожатая второго отряда Лариса.

– Елена Ивановна, – обратилась она ко мне, – большая просьба – объявите по радио, чтобы наш агент по снабжению срочно подошёл в приёмную директора. Он его ждёт.

– Хорошо, Лариса. Сделаю.

Я включила аппаратуру, взяла микрофон и объявила: «Внимание! Алексанян Саркис Акопович, срочно подойдите, пожалуйста, в приёмную директора. Повторяю!...» – и я слово в слово повторила эту фразу.

Далее было видно, как наш агент по снабжению мчится от берега озера по направлению к домику директора лагеря. Вдруг я вспомнила про моих подопечных. Они находились прямо под самым моим окном и медленно работали метёлками. И вдруг неожиданно заговорил Мишаня, копируя меня точь-в-точь: «Внимание! Акоп Траншеевич Блиндажов, срочно подойдите, пожалуйста, в приёмную директора. Повторяю!...» А повтор уже был из уст Лёхи: «Внимание! Акоп Траншеевич Блиндажанян, срочно подойдите, пожалуйста, в приёмную директора».

Оба они так захохотали, что побросали свои орудия труда. Я наблюдала за ними, как они корчились от смеха, присев на колени, задыхались, издавали рык и визг одновременно. А я умирала со смеху в своей радиорубке. Мне показалась такой забавной эта шутка, что я сразу приняла решение – простить этих шалопаев и отпустить в отряд.

Я вышла на улицу, стараясь изо всех сил не смеяться. Давясь от смеха, я подошла к ребятам. Они перестали ржать и вытянулись, как солдаты на плацу. В полной выправке. Я смотрела на них, мальчишки улыбались своей открытой улыбкой. Заметив меня, они хором заорали: «Спасайся кто может!» – и рванули с места.

– Стоять! – резко остановила их я, и мальчишки встали как вкопанные. – Значит, так, сдавайте инвентарь и марш в отряд.

– Мы ещё не закончили, – робко произнёс Лёша.

– Нам чуть-чуть осталось, – заключил Михаил.

– Не надо, ребята, хватит, идите в отряд. Спасибо вам за работу и за шутку. Я вместе с вами посмеялась на славу.

Они вытаращили на меня глаза и смотрели с недоумением.

– Что-то непонятно? – спросила я.

– Всё понятно! – опять хором отчеканили они.

– Ну так идите в отряд.

Мишаня передал мне две метлы, и они рванули к своему домику. Я смотрела им вслед и улыбалась. Эти проказники нравились мне, хоть иногда и нарушали лагерную дисциплину. С этого дня они постоянно были в моём поле зрения. Даже не знаю, по какой причине. То ли они сами хотели появляться мне на глаза, то ли это было стечением обстоятельств.

Несмотря на то, что эти два друга постоянно влипали в какие-то истории, они были безмерно добрые, отзывчивые ребята. Любимцы всего лагеря! Вызывали улыбку у всех, кого встречали на своём пути. Лагерь для них был вторым домом, а может быть, даже и первым. Потому что все три лагерные смены они были здесь, в сосновом бору на берегу Белого озера.

Спортивные, шустрые, они всегда старались быть лучшими. Не забуду тот день, когда в нашем «Изумрудном» решили провести олимпийские игры близлежащих пионерских лагерей. Готовились долго и очень серьёзно. Изготовили таблички с названием спортивных команд, сделали настоящий факел, при помощи которого непременно будет зажжён олимпийский огонь. Разметка дорожек, свежий песок для прыжков в длину, бетонирование площадки для городков, оформление дорожек для плавания, покраска флажстоков – всё это делали дети вместе со своими вожатыми. А как иначе, ведь встречаем столько гостей. Надо не ударить в грязь лицом.

Мишаня и Лёха помогали в первых рядах. Старались изо всех сил. Ведь они в составе команды «Изумрудного» по лёгкой атлетике и по игровым видам спорта. Лагерные фавориты. Мишка вообще должен нести факел как лучший в соревнованиях по бегу. Это было решение спортивного совета лагеря. Мишаня гордился собой, а Лёха другом.

Накануне лагерных олимпийских игр Мишка репетировал вынос факела. Взяв в руку муляж и высоко подняв его на вытянутую вверх руку, он красиво бежал по беговой дорожке. Потом поднимался по лесенке к олимпийской чаше, предварительно повернувшись к публике лицом, и якобы зажигал огонь. Делал Мишаня это, как артист. Словно он был не в лагере, а на настоящей олимпиаде.

Мы все любовались и представляли, как это будет в оригинале.

Наступил день олимпиады. Лагерь разделили на сектора. Два домика называли олимпийской деревней, куда и были поселены гости из четырёх пионерских лагерей. Все с утра сустились, бегали, доделывали на ходу разные мелочи – те, что не успели.

Наступил час открытия. На трибунах разместились болельщики. Ни одного свободного места! Команды построились на старте беговой дорожки. Заиграла спортивная музыка Александры Пахмутовой: «Мы верим твёрдо в героев спорта, нам победа как воздух нужна! Мы хотим всем рекордам наши звонкие дать имена!» Трибуны подпевали Льву Лещенко, чей голос вылетал из лагерного рупора. Болельщики встречали спортсменов стоя и громко аплодировали. Когда парад команд остановился, наш физрук Григорий Андреевич скомандовал, чтобы внесли флаг олимпиады. И четыре девочки, одетые в красивые шорты и футболки одного цвета, в гетрах и одинаковых кедах, чеканя шаг, пронесли вдоль трибун флаг с олимпийскими кольцами. Потом они быстро прикрепили его к тросу флажстока, и лучший бомбардир лагерной футбольной команды Серёга медленно поднял флаг к небесам. Все ждали выноса факела. Минька, как заправский спортсмен, разминался на старте беговой дорожки. Первый отряд обсуждал его издали.

– Ой, смотрите, как Мишасик-то ваш выпендривается! – обратила внимание всех на Мишку Галя, вожатая восьмого отряда.

– Ничего он не выпендривается! – заступился за друга Лёха. – Он бегун, в секцию ходит. Сегодня он всех сделает! Вот увидите.

И тут Григорий Андреевич в рупор произнёс: «Олимпийский огонь внести!» Мишка будто вздрогнул, повернул факел своему вожатому Геннадию, который его аккуратно зажгёт. И Мишаня показал трибунам красивый бег. Он был весь в белом, на груди изображены олимпийские кольца. На голове повязка, на которой тоже пять разноцветных колец – символ олим-

пийских игр. Он нёс факел, огонь которого развевался на ветру. Лёха комментировал то, как они с другом делали этот факел из старой консервной банки, которую потом покрасили чёрным лаком. Вот почему факел смотрелся как настоящий. Все следили за каждым Мишкиным движением. А Лёха от радости и гордости за друга чуть не выпрыгнул из спортивных штанов.

Зрелище завораживало. Мишаня был хорош на все сто! Он лихо поднялся по ступеням к чаше и аккуратно поднёс факел. И вдруг чаша так неожиданно, с каким-то неестественным звуком вспыхнула, а Мишка от испуга не удержался на мостике и рухнул вместе с горящим факелом вниз. Трибуны ахнули! К нему рванулись с места начальник лагеря, я и вожатый первого отряда Гена. Хорошо, что горящий факел отлетел далеко в сторону и не нанёс вреда Мише. Пламя от факела уже не было таким сильным, поэтому на глазах у всех погасло. А вот чаша пылала как надо. Но все смотрели на лежащего на земле спортсмена.

Когда мы подбегали к нему, он уже сам поднялся на ноги. Улыбка не сходила с лица.

– Миш, ты как? – спросила я.

– Нормалёк, – тихо произнёс он.

– Ты ничего не ушиб?

– Нормально, говорю, – пробубнил он. Сел на лавку и стал вытирать грязь с белоснежных шорт.

– Да оставь ты, Миша, постираем. Мне принесёшь, я выстираю, договорились? – вкрадчиво сказала я.

– Хорошо, – ответил резко он.

Я чувствовала что-то неладное. Потом с ним разговаривал начальник лагеря Анатолий Матвеевич и вожатый Геша. Мишка только кивал. Они отошли от него – ведь надо было начинать соревнования. Трибуны ещё раз поддержали нашего Мишаню громкими аплодисментами. В этот самый момент к нему подбежал Лёха, сел рядом и обнял друга за плечи.

Я наблюдала за ними со стороны. Они шептались, как два заговорщика. Потом, когда было объявлено, что скоро начнутся забеги на сто метров, они встали с лавочки и пошли переодеваться, готовиться к забегу. И я заметила, что Миша прихрамывает. Видимо, он, падая, всё же повредил ногу. У меня мелькнула мысль: как же он побежит? И я рванула к ним.

– Ребята, что случилось?

– Мишка ногу ушиб, – выпалил Лёша.

– Чего ты-ы-ы, – с обидой протянул Мишаня.

– А как ты побежишь? Тебе нельзя! Это может плохо кончиться. Надо искать замену.

– Нет, я смогу. Сейчас пройдёт, – не унимался Миша.

– Хорошо, – сказала я, – тогда сначала в медпункт. Пусть врач скажет, что тебе можно бежать.

Он повиновался. Мы все вместе прошли в медпункт, где нас встретила приветливая докторша Галина Михайловна. Она осмотрела ногу и вынесла вердикт: бежать нельзя. Мишаня насунился. Нарушил тишину Лёшка:

– Миха, не переживай. Нельзя, значит, нельзя!

– Я всё равно побегу.

– Нет, Миша, так нельзя. Это же твоё здоровье! – возмутилась я.

– Вот именно, Елена Ивановна, моё! – безапелляционно произнёс он.

– Почему ты не хочешь, чтобы тебя заменили? Ну, например, на Лёшу.

– Вы что? – возмутился Лёшка. – Миха – лучший! Он у нас в команде по лёгкой атлетике самый крутой!

– Спасибо, друг. – И Миша улыбнулся. – Елена Ивановна, ну разрешите. Я только одну стометровку. Чего там бежать-то? Я должен! Это же честь лагеря... и моя честь! Я готовился к этой олимпиаде.

– Ну тебе же будет больно! – не унималась я.

– Ну и что! Я справлюсь!

Мы ещё немного подискусировали, и я сдалась. Но попросила, чтобы он бежал только стометровку. На остальных соревнованиях мы его заменим. И он кивнул в знак согласия.

Участников пригласили на старт. Миша шёл медленно: видимо, не хотел показывать свою хромоту. На лице отпечаток серьёзности. Куда девалась его голливудская улыбка? Я заволновалась. Думаю, пойду посмотрю, как он.

– Как ты, Миша? – спросила робко я.

– Всё будет ништяк, Елена Ивановна, не волнуйтесь. Один забег, и всё.

– Миш, может, тебе поможет мой совет.

– Какой?

– Когда я должна что-то сделать, преодолевая боль, я кричу. Сильно-сильно. Помогает.

– А что кричите-то?

– Что? А что на ум придёт. То и кричу. Одну фразу, но сильно-сильно.

– Думаете, поможет?

– Мне помогает. Тебе – не знаю.

И тут пригласили бегунов на старт. Мишка оглядел нас. Подмигнул своему верному другу Лёхе и принял соответствующую стойку.

Самый напряжённый момент настал. Лёша переживал за друга. Сам того не замечая, схватил меня за руку, да так сильно, что я визгнула. А он даже этого не заметил. Трибуны замерли. Шутка ли! Первый забег!

Судья скомандовал: «На старт! Внимание! Марш!» И тут произошло неожиданное. Спортсмены сорвались с места как молния. Наш Мишаня тоже рванул и как заорёт: «Спасайся кто может!» На трибунах послышался смех, многие повернули головы в мою сторону. Все же знают, в чей адрес обычно направляется эта фраза. Мишаня рвался вперёд как вихрь. И догнать его было невозможно. На финише он был первым. Трибуны ликовали: «Миша! Миша! Миша!» – орали до хрипоты. А Мишка, завершив стометровку, рухнул на траву. Ребята из отряда несли его на руках к медпункту. Он улыбался. Лёшка командовал эвакуацией, делая всем замечание: «Тише вы, тише. Не мешок с картошкой несёте! Героя дня!» Все смеялись. А я переживала, что разрешила Мишке принять участие в забеге.

В медпункте ему перетянули ногу и дали рекомендации, что делать дальше. А потом ребята притащили его на трибуны, откуда он наблюдал за соревнованиями. И с ним рядом был верный Лёха.

Когда награждали победителей, Мишку также с почестями императора водрузили на первое место. Начальник лагеря вручил ему победную медаль, сказав что-то о воле к победе. Кто-то из девчонок вручил Мишке маленький букетик из полевых ромашек. Он был счастлив. Стоял на высшей ступеньке пьедестала почёта, как монумент, выставив вперёд забинтованную ногу как знамение победы.

На следующий день приехала Мишкина мама и забрала его домой, чтобы пройти обследование в больнице. Её тревожила Мишкина нога. Лёха ходил потерянный, страдал, что друга нет рядом. Общался с ребятами мало, добавки в столовке не просил, уединялся где-то или помогал кочегару дяде Васе наводить порядок в котельной. А через три дня приехал Мишаня. Хромал он уже меньше. Сколько же радости и счастья было, когда они с Лёхой увидели друг друга на площадке возле главного лагерного корпуса! Они обнялись, как родные братья, и зашагали к своему отрядному домику. Их ждала интересная лагерная жизнь.

Шухер! Машка идёт!

Славная пора юности... Каждый день праздник. Эмоции через край. Не зацкливаешься ни на чём абсолютно. Живёшь в своё удовольствие. И только сейчас понимаешь, как тогда было всё легко и просто. И как ты был счастлив! Поэтому память часто возвращает тебя туда, в ту невероятную беспечность, в школьные годы чудесные. Кажется, так поётся в одной из старых красивых песен о школе.

Вспоминаешь многое: и школьных друзей, и учителей, и всех, кто был тогда частью твоей жизни. Мне всегда везло на людей. Господь преподносил сплошные подарки – знакомства, которые потом вырастали в крепкую дружбу. И многие находились рядом со мной долгие годы. Словом, шли по дороге моей жизни след в след и рука об руку.

Незабываемая личность нашего завуча крепко укоренилась в моей памяти. Её боялись и уважали все школьники. Строгий нрав сочетался в ней с необыкновенной добротой и обострённым чувством справедливости и собственного достоинства. А имя у неё было прямо-таки святое – Мария.

Из-за того, что она постоянно гоняла нарушителей дисциплины, шалопаев, ей придумывали разные прозвища. За глаза называли её и цербером, и ментом, и БМВ (по первым буквам её фамилии, имени и отчества – Балашова Мария Васильевна), и несколько грубовато – просто Машкой. Знала ли она об этом? Трудно сказать. Но все эти её подпольные имена переходили из уст в уста, из поколения в поколение. Какие-то забывались. Появлялись новые. Не менялось одно – Машка.

А главное, многие прозвища, которые придумывали ученики, ей необыкновенно соответствовали. Цербер, например. Ведь никогда ничего не ускользало от всевидящего ока этого бдительного стража. Она следила за дисциплиной во всей школе с утра до вечера. Как она сама говорила: «От темнадцати до темнадцати». И справлялась с этим на пять баллов, а может, даже и больше.

Или, к примеру, мент. Мария Васильевна действительно была как милиционер. Могла в течение нескольких минут раскрыть любое школьное преступление. Она как рентген! Казались, видит насквозь всё нутро ученика. Лгать ей бесполезно. Обязательно выведет на чистую воду. Ловко, быстро, профессионально.

Невысокая, приземистая, всегда на боевом посту. Она была устрашением для громил-старшекласников. Знала всех учеников в школе по именам и по характеру. А нас было более тысячи! Причём знала все семьи до седьмого колена. И как только всплывала чья-то фамилия при раскрытии очередного хулиганства, она, как ходячая энциклопедия, сразу выдавала нарушителю дисциплины всю его родословную от мала до велика, отчего у ученика вылезали глаза на лоб от такой неожиданной информации. Скрывать что-то было бессмысленно.

Я не знаю, как бы сейчас реагировали на её методы родители, но тогда, в семидесятых, всё принималось на «ура». Сломал вилку в столовой – принеси десять. Измазал рубаху однокласснику чернилами – постирай, погладь и извинись. Опоздал на урок, учиться не хочешь? Иди подметай школьный двор, зимой убирай снег с дорожек. Опаздывающих было мало. Только те, кто действительно хотел отлынивать от учёбы. К ней всегда лоботрясы обращались за трудотерапией. Не отказывала. Любой каприз за ваше желание. Инвентаря хватало всем. Трудились на благо родной школы.

А вот если разбил цветочный горшок вместе с цветком – найди такой же и принеси в школу. С учётом того, что она ревностно относилась к растениям, потому что ухаживала за ними лично: рассаживала, удобряла, растила целые оазисы по всей школе. Очень уж любила это занятие. Она выхаживала самые безнадежно испорченные цветы. Ткнёт в землю палочку, а вырастет роза. Лёгкая рука способствовала росту зелёного царства в нашей альма-матер.

Пришла Мария Васильевна в нашу школу из горкома комсомола. За плечами много интересного по работе с молодёжью: походы, факельные шествия, фестивали, сборы, путешествия по всей стране. Должность заместителя директора по воспитательной работе будто её и ждала. Жизнь в школе с её приходом резко изменилась. На смену устаревшим мероприятиям пришли яркие, новые, необычные. Актив школы работал с ней как единый механизм.

Кроме этого, она обладала отменным вкусом. С её лёгкой руки изменились даже кабинеты и коридоры школы. Любая самая бредовая идея воплощалась в жизнь. Что тут говорить, если музей истории нашей школы Мария создала с нуля. А потом появился музей русского быта и природы родного края. К нам приходили полюбоваться убранством школьных уголков. А мы все гордились нашей первой школой! Ну и Марией Васильевной тоже!

Педагоги-коллеги Марью называли находкой для школы, ангелом-хранителем. Однако в ней просыпался демон, когда она замечала нарушение общественного порядка или порчу школьного имущества. Вот тут-то спасайся кто может! Не дай Бог попасть на разборки в кабинет завучей, которого боялись больше кабинета директора.

Как-то в трудовом лагере решили ночью покурлесить. Список ночных дел составили достаточно внушительный. Энтузиастов не спать ночью, а искать на свою пятую точку приключений, было немного. Человек семь-восемь, точно не помню.

Сначала посетили местный разрушенный собор в деревне Андреевские выселки. Проводилась проверка на смелость: ведь разрушенная церковь стояла на территории старого кладбища. И мы, озираясь по сторонам и вцепившись друг в друга, медленно пробирались сквозь старые, заброшенные могильные холмики. Пацаны иногда неожиданно издавали такие страшные звуки, что мы, девчонки, начинали визжать. Потом, спохватившись, что нас могут услышать в лагере, замолкали. Сердце билось набатом. Таким образом наша гоп-компания исследовала святую обитель, похожую больше на графские развалины.

В самой церкви мы взгромоздились на каменные руины и рассказывали страшные истории по очереди. Откуда всплывали в нашем мозгу все эти истории, один Бог ведает. Озираясь по сторонам, многие на ходу придумывали легенды-страшилки. И каждый хотел поразить. Особенно когда в конце неожиданно издавался страшный звук, словно оживший покойник орал: «Отдай мне своё сердце!»

Два раза от страха мне хотелось рвануть с места изо всех сил в лагерь. У Светки нервы были крепче, вот она и хватала меня за руки или за шею, останавливая таким образом мой порыв побега. После каждого рассказа Толик добавлял фразу из «Неуловимых мстителей»: «А вдоль дороги мёртвые с косами стоят, и тишина...» Он специально делал косыми глаза, как артист Савелий Крамаров, и открывал широко рот. Ловко у него получалось. После испуга все начинали ржать вполголоса, иногда переходили на громкий хохот.

Когда фантазии на страшилки иссякли, мы пошли выбирать самый яблоневый сад, где можно было пожить мелкой кислятиной, от которой перекашивало рот. Но это нас не останавливало. Главное – сад чужой! Опять же забор надо преодолеть. Нарвать яблок и не разбудить хозяев. Это удавалось, но очень редко. Наша гвардия ничего не умела делать тихо.

В завершение ночного похода всем хотелось проникнуть на кухню, в деревянное строение на территории трудового лагеря. Зачем? Очень вкусно есть ночью остатки чёрного хлеба с крупными камешками соли. А если огурцы остались от ужина – это вообще праздник!

Дверь столовской времянки, построенной рабочими совхоза специально для трудового лагеря, всегда была закрыта на ключ. Ключ хранился у дежурного воспитателя. Учитывая то, что наш учитель физкультуры Анатолий Иванович был дежурным воспитателем накануне, ключ был у него. Решили провести разведку боем.

- Ребя, кто пойдёт за ключом? – спросил Вован шёпотом.
- А где он у него? – следом вопрошала Светка.
- Где? Где? В штанах, – прохрипел Толик.

– В смысле? – не унималась Светка.

– В его спортивных штанах, в кармане, – уверенно констатировал факт Толик.

– А где они? Эти штаны? – прошептал чей-то голос.

Толик как всезнайка пытался раскрыть все секреты нашего физрука:

– На спинке кровати висят. Я видел.

– А если они на нём? – спросила я, и все тихонечко захихикали.

– Ты чо, – возмутился Толик. – Он чо, не раздевается?

– А вдруг? Вот сегодня не захотел раздеваться и так лёг, в штанах.

– Правильно Ленка говорит, иногда он в штанах ложится, прямо поверх одеяла. Я видел, – со знанием дела произнёс Лёха.

Мы ещё немного посоветовались и решили послать в разведку Толика и Лёху. Вован просился, его кандидатуру не одобрили, от него один бедлам.

Разведка приближалась к телу физрука на цыпочках. Мы следили за каждым их шагом через запотевшее окно. Наши носы расплылись по стеклу и изнутри напоминали пяточки хрюшек. Лёха это увидел и пальцем приподнял свой и без того курносый нос вверх. Было смешно, но мы терпели, потому что, заметив нашу мимическую игру, Толик показал всем кулак. Мы насторожились. Крючковатые фигуры мальчишек в темноте напоминали крыс из мультика про Нильса. Всех мучил вопрос, найдут они ключ или нет? Толик первым придвинулся к кровати физрука и знаками показал, что штаны на спящем. Было интересно наблюдать, как Толик хлопал себя по бокам, оттопыривал свои штаны и пальцем показывал на Анатолия Ивановича. Лёха зажал рот, чтоб не ржать. Мы тоже последовали его примеру. Еле сдерживая себя, мы общались на языке глухонемых. Знаками показывали Толику, чтоб залез уже быстрее в карман к спящему. Толик не решался и подталкивал к кровати Лёху. А Лёха упирался и размахивал руками. Из его вертолётных движений мы поняли, что он тоже боится.

– Кишка тонка, – вдруг в тишине проговорил Вован.

– Иди тогда сам, – прохрипела Светка.

– Иди, иди, – хором пропищали все девчонки.

И Вован тронулся в путь. Проходя мимо крыльца, он задел стоящие пирамидой вёдра. И тут заиграл ночной оркестр. Вёдра падали друг за другом, издавая глухой и сильный звук, который мог разбудить даже мёртвого. И заключительным аккордом стал гром от падающих швабр, которые выставили до утра для просушки. Весь шум был похож на выстрелы.

Лёха и Толик, услышав этот тарабам, рванулись с места. В темноте задели стул, который тоже с ужасающим грохотом свалился на пол. А мы стояли как вкопанные, будто нас привязали к этому месту. И вдруг заголосил, как труба, Вовчик:

– Шухер! Машка идёт!

Это был призыв к действиям.

– Смывайся кто может, ребя! – заорал Серёга, который до сего часа был нем как рыба.

Мы ломанулись в разные стороны. И вдруг громкий командный голос Марии Васильевны:

– Стоять! Все ночные лазутчики подходят ко мне! Немедленно!

Земля поплыла под нашими ногами. Убегать было бесполезно. И через минуту вся наша отчаянная команда стояла пред её очами. Она смотрела на нас так, словно была третьим фонарём на территории трудового лагеря. Подперев руками бока, Марья произнесла металлическим голосом:

– А ну марш по койкам! Завтра поговорим!

В окнах торчали головы наших одноклассников, проснувшихся внезапно. Кто-то выкрикнул: «А ну марш по горшкам!» – дублируя Марию Васильевну.

Она обвела и их взглядом:

– А это кому как нравится: по койкам или по горшкам. Меня кто-то ещё не понял?

И через секунду всё стихло. Она мгновение постояла, обвела взглядом всю территорию лагеря и зашагала уверенной походкой к себе в домик.

Утром мы ждали разборок. Но их не было. За завтраком стояла небывалая тишина. Все уткнулись в свои тарелки носами. Было понятно – вся экзекуция впереди. Только бы из лагеря не выгнали...

Потом все дружно поехали на поля. Километровые грядки призывно помахивали нам длинными сорняками. Все, кто пребывал накануне в ночном «дозоре», уселись рядышком, взяв себе по грядке на трудотерапию. А остальные взяли гряду на двоих или на троих, чтобы выполнить норму быстрее и отчитаться перед бригадиром.

Светка решительно заявила, что нам надо работать сегодня ударно, чтобы легче принять наказание и получить снисхождение. Я поддержала инициативу. И мы как кроты вступили в неравную схватку с сорняками. Никогда ещё никто из нас так ответственно не работал! Друг перед другом мы старались вырваться вперёд, складывая в межу вырванные из земли сорняки, высвобождая на свет божий ростки капусты. Рядом, кряхтя и глубоко вздыхая, прохаживался физрук Анатолий Иванович, который рьяно следил за тем, как качественно мы выполняем порученную работу. Мы изредка поглядывали на него, на его спортивные штаны и улыбались, вспоминая ночные похождения. Он заметил наши хитрые взгляды и сунул руки в карманы, словно защищая что-то ценное от наших глаз.

БМВ наблюдала за происходящим с самого высокого места, как Наполеон на Бородинском поле. Ей и подзорная труба была не нужна, она, как ястреб, и так всё отлично видела. Как мы, мелкие людишки-муравьишки, ползли по грядкам белокочанной.

Время пролетело быстро. Выполнив свои нормы, все, усталые, плелись в лагерь. На автомате мыли руки и ноги, переодевались и шли в столовую. Сегодня еда почему-то не радовала, хотя и было очень вкусно. Потом все разбрелись по спальням на отдых. Дневной сон здоровья необходим трудягам вроде нас. Конечно, были те, кто не спал. А мы, ночные разбойники, попадали от усталости и напряжения и уснули мёртвым сном.

Мне казалось, что я так крепко ещё никогда не спала. Сквозь сон слышно было, как кто-то пел «Дельфинёнка», любимую всеми лагерную песню о том, как маленький дельфинёнок попал под винт рыбацкого судна и звал на помощь маму-дельфиниху. Его покидали силы. Мать видела, как погиб её сын, и в отчаянии разбилась о корабль. Эту трогательную песню пели мы каждый вечер. Пели и плакали.

Я проснулась в ужасном настроении. Были какие-то неприятные предчувствия. С кислым лицом я нарисовалась на площадке, где играли в пионербол.

Появились другие виновники и нарушители ночного отдыха. С такими же скорбными лицами, как и у меня. Мы взгромодили свои тела на лавочку и стали наблюдать за игрой. Орать и хлопать в ладоши не хотелось.

Мимо пробегала Танька с закрученным в трубу ватманом.

– Танька, стой! Чего это у тебя? – спросила Светка.

– Это ваш путь на голгофу.

– Чего-о-о-о? – хором протянули мы.

И она развернула огромный лист, где крупными буквами было написано: «Сегодня после ужина состоится комсомольское собрание. Явка всех строго обязательна. Повестка дня...» Мы прочитали и поняли: пришёл наш смертный час. Последние нотки прибывающего настроения, навеянные игрой в пионербол, улетучились окончательно.

Ужин также не принёс удовольствия. Все ждали собрания. Ясно – будет разбор полётов во сне и наяву. Ребята подбадривали:

– Не дрейфьте, всё будет в порядке.

– Машка с виду злобная, отойдёт.

– Из комсомола точно не выкинут. За что? За шухер?

– Держите хвост пистолетом! Поддержим, если что.

Нам нравился настрой ребят. Но предугадать, как пройдет комсомольское собрание, не могли.

Наступил час расплаты. Все собрались в столовой. Гул, как всегда, наполнил небольшой зал. Мы, как на скамье подсудимых, в первых рядах. Марья с членами комитета комсомола в центре стола, покрытого зелёным сукном. На столе хаотично разбросаны какие-то бумаги. Графин с водой. Как без графина? И один стакан.

Я пыталась рассмотреть лицо Марии Васильевны. Но на нём, кроме возмущения, ничего не было написано. Она встала и металлическим голосом сказала:

– Комсорг, ведите собрание.

– Уже, да? – неловко переспросила Лариска, наш комсорг.

– А что ждать? Все в сборе. Начинай!

Лариска начала мямлить:

– Вчера... то есть, извините, сегодня... – Она делала невероятно большие паузы. – Несколько комсомольцев, семеро...

– Семеро смелых! – кто-то выкрикнул с конца зала, и все громко заржали.

Мария Васильевна постучала ручкой по графину и твёрдым голосом произнесла:

– Прекратить мне там! Галёрка! Лариса, перестань тянуть кота за хвост.

– А то оторвёшь! – не унимался голос в дальнем углу зала. Хохот опять пошёл по рядам.

– Я последний раз предупреждаю юмористов. Обещаю, ваш звёздный час веселья и юмора пойдёт вторым вопросом собрания. Смелее, комсорг, не ты же по ночам шастаешь по территории посёлка. Такое впечатление, что ты была среди них.

– Нет, не была.

– Вот и давай посмелее, как ты это обычно делаешь.

– Я не могу, Мария Васильевна, у меня голова кружится. Сегодня солнце очень опасное было. Пекло! А я головной убор забыла. Вот и результат.

У нашего цербера округлились глаза. Видимо, она не ожидала такого разворота дела. Но мы-то понимали, что так ребята оттягивают время и ждут смягчения обстоятельств.

– Заболела, значит? – спокойно произнесла Мария Васильевна. – Хорошо. Я сама поведу собрание.

Она оглядела затихший зал. Как-то так крикнула, вроде ей что-то мешало в горле, и начала громким и внушительным голосом:

– Я понимаю, что вы все хотите прикрыть поведение своих друзей. С одной стороны, это похвально. Потому что надёжное плечо друга должен иметь каждый. А с другой стороны? Эта ночная зондеркоманда, не побоюсь этого слова, не просто нарушила покой лагеря, а покой целого населённого пункта!

И она развела руки в обе стороны и даже очертила в воздухе огромный круг. Словно мы нарушили покой целой страны. Всего Советского Союза. Потом она внимательно посмотрела на нас и спросила:

– А вот мне интересно, чья же это была идея?.. Ну?..

Мы молчали, как рыбы. Головы наши висели, как перед четвертованием. Я лично не помню, кто предложил.

А наш основной судья продолжала:

– Кто же, Лена? – обратилась она ко мне. – Кто?

– Я не помню, Мария Васильевна. Честно, не помню.

– Что? Память отшибло?

– Вышибло напрочь! Тут помню, тут не помню! – прокричал кто-то.

И вновь покатился смех по рядам зала. Я с удовольствием смеялась вместе со всеми. А Мария Васильевна, повысив тон, произнесла:

– А ну-ка хватит! Это комсомольское собрание, а не балаган.

Она так сильно ударила кулаком по столу, что графин стал пританцовывать и позвякивать. Воцарилась тишина.

– Уважаемые мои комсомольцы! Скажу всё, что думаю о том вопиющем случае, который произошёл предыдущей ночью. Мало того что эта группа так называемых комсомольцев самовольно ушла с территории лагеря, они подвергли своих воспитателей серьёзным испытаниям. Наши учителя заметили, что некоторых так называемых комсомольцев нет на месте.

Она нарочно дважды назвала нас «так называемые комсомольцы». Было стыдно и неприятно. Мы не могли поднять глаза.

– И педагогам, отвечающим за ваши жизни, пришлось идти вас искать, – продолжала она. – И они прошли четыре километра по тёмным дорогам, искали свою пропажу. Как вы думаете? Что они в этот момент испытывали?

– Ужас! Страх! Тревогу! – посыпались выкрики с разных сторон зала.

– Правильно!

Она, кажется, была довольна собой, что ребята откликнулись и начали обсуждение нашего поступка.

– А в то время, когда учителя, ваши учителя, искали так называемых комсомольцев, эта компания нарушителей дисциплины лазила по чужим садам в поисках приключений на свою (она сделала паузу) голову.

– На свою пятую точку! – заорал кто-то совсем близко.

После этой фразы опять вырвался наружу смех, ухмыльнулась даже Марья.

– Может, и на неё, – продолжала она. – А ещё более возмутительный факт – это организовать обыск спящего дежурного воспитателя.

Откуда она всё знала? Словно у неё были свои дознаватели. А может, нас кто-то сдал с потрохами? Много вопросов возникало в наших головах.

– А чего они искали? – спросил кто-то.

– Это не важно, – коротко отсекала ответ Мария Васильевна.

– Нет, просто интересно, что можно такое спрятать в нижнее бельё.

И тут такое понеслось. Ржание перемешалось с вновь рождающимися ответами. Они сыпались как из рога изобилия. Нам казалось, что Марья сама не рада, что сказала эту фразу. А на физрука невозможно было смотреть, он был красный, как переспелый помидор. Его лысина светилась от этой красноты каким-то особым светом. Он сидел у самой двери. Потом все заметили, что Анатолий Иванович встал и вышел. И после его ухода наступила кромешная тишина. Все понимали – обидели доброго удивительного человека.

– Дошутились? – спросила она. – А я предупреждала, чтобы вы вели себя прилично. Вас что? Доброта покинула? Вы же не такие, какими хотите казаться!

Далее Мария Васильевна медленно пробежала глазами по залу. Остановилась на нас и попросила поднять головы и посмотреть ей в глаза. Мы медленно по очереди поднимали свои буйные головушки, но смотреть ей в глаза было невозможно. Её серьёзный взгляд проникал в самое сердце. И она продолжила:

– Вы и вчера изволили нарушить ученический этикет! – И она вдруг неожиданно как заорёт: – Шухер, Машка идёт! Это что было? Да! Я – Машка! Я – Маша! Я – Мария! И горжусь своим именем, которое подарили мне мои родители. Их уже нет на белом свете, а я ношу это имя и радуюсь, что я, как вы изволили выразиться, Машка.

Воцарилась тишина. Умер мир. Умерла земля. Во всяком случае, так нам казалось. Эти слова Марьи нас пробрали до мурашек. Потом мы долго обсуждали тот эффект состояния раздумий, который словно вывел нас из спячки.

Помню, тишина задержалась в зале. Видимо, каждый размышлял о том, что учителя обидеть легко и просто. А как дальше быть?

Мария Васильевна, кажется, забыла о нашем ночном гульбище. Она была обижена на «Шухер! Машка идёт!» и расстроилась из-за того, что физрук покинул зал. Она по-прежнему стояла с задумчивым лицом, смотрела теперь куда-то вдаль. Её взгляд проник через открытое окно и затерялся там, в лесном массиве территории трудового лагеря.

И вдруг сквозь эту тоскливую тишину мы услышали лёгкое всхлипывание. Это сразу вернуло всех нас в реальность. Мы обратили взоры на нашего Вовчика, который вытирал глаза украдкой, тяжело дышал и пытался незаметно скрыть слёзы. Он увидел прикованные к нему взгляды одноклассников и резко вскочил на ноги. Сквозь всхлипывания и сбившееся дыхание Вована мы поняли, вот он – пик комсомольского собрания.

– Мария Васильевна! – обратился он к Марье. – Простите меня! Это я, как попугай, повторяю за всеми, что услышу. Я эту дурацкую фразу услышал от старшеклассников, когда они курили в туалете. Простите, я не хотел вас оскорбить. У меня маму тоже Машей зовут. Ночью я не вспомнил. А сейчас вижу – обидно.

Закончив свою пламенную речь, он опустил голову вниз и обхватил её руками. Он уже не плакал, но было видно, что его потрясывает.

Мария Васильевна подошла к нему, сняла руки Вовчика с его головы и тихо, вкрадчиво так сказала:

– Ну... будет, будет. Я не сержусь. Я знаю, что твою маму зовут Мария. Мы с ней учились в одной школе и были активистками. Знаешь, какая она у тебя? У-у-у-ух! – протянула она и, сжав ладонь в кулак, выставила вверх большой палец. Вован взбодрился:

– Я больше никогда...

– Ну, полно, полно. Я же сказала, не обижаюсь. А вот как Анатолия Ивановича возвращать будем?

– А давайте я на разведку сбегаю, посмотрю, где он? – выпалил Толик.

– Сядь на место! Разведчик. Ты уже сходил в разведку прошлой ночью. Только ключ достать духу не хватило. Тоже мне – смельчак.

И все засмеялись. Обстановка становилась теплее.

– Я бы смог, Мария Васильевна. Только Анатолий Иванович лежал на кармане. Как я туда влезу?

Все опять засмеялись. Вдруг дверь распахнулась, и на пороге нарисовался Анатолий Иванович, на его лице была улыбка.

– Тёзка, – обратился он к Толяну, – я прилёг в спортивных брюках, на которых нет карманов. А ключ ещё вечером передал Марии Васильевне. Обещал подежурить по территории ночью и заснул. Ты в следующий раз пойдёшь ключ искать, предупреди меня. Я надену с карманами.

Вот тут все посмотрели на Толика, у которого глаза вылезли из орбит, рот открылся. И он застыл, как памятник. Мы все: и учителя, и ребята, ржали во весь голос. Громче всех Анатолий Иванович. Он даже закашлялся.

Мария Васильевна смеялась вместе с нами. Да так заливисто, что мы поняли: так смеяться может только добрый человек. Вся её строгость улетучилась, как туман. Мы все сполна насладились этой минутой. А когда у Толика глаза и челюсть пришли в привычное рабочее состояние, она сказала:

– Давайте споём, что ли?

Лёха выскочил вперёд с гитарой, поставил правую ногу на стул для удобства и пробежался пальцами по струнам. Все затихли. А он запел красиво и проникновенно:

*В океане, средь шумящих волн,
Где дельфины нёжатся с пелёнок,
Раз попался под рыбацкий бот*

Маленький какой-то дельфинёнок.

Лёха пел, мы тихонечко подпевали. Мария Васильевна и другие учителя слушали, чуть прикрыв глаза. Кажется, они переживали заново каждую строчку, которую знали наизусть, как заезженную пластинку. Обычно мы плакали. А сейчас, когда Лёха так же страдальчески передавал трагедию дельфина, слёз не было. Было единение духа. Мы другими глазами взглянули на наших учителей. Особенно на Марию Васильевну. Было спето ещё несколько коллективных песен, и потом по команде мы пошли отдыхать. Впереди нас ждала ночь, спокойная и без происшествий.

Мы шли к своим домикам молча. Вдруг Лариска, наш комсорг сказала: «Имейте в виду, больше никаких Машек. Только Мария Васильевна, ясно?»

- Ясно-о-о... – протянули мы почти хором.
- И никакого шухера, ясно? – брякнул Толик.
- Ясно-о-о-о-о-о...

Прошло много лет. Я благодарна судьбе, что она подарила мне прекрасных учителей. Может, поэтому я сама стала учителем. Она подарила мне отличных одноклассников, которых я очень люблю и часто вспоминаю. Школа вообще была для меня родным домом всегда. И хоть не раз ещё её стены слышали «Шухер, Машка идёт!», Мария Васильевна всех выпускников любила, знала и была им преданна. А для меня, молодой учительницы, она стала наставником. Родная школа и Мария приняли меня в свои объятия. Главное – никакого шухера!

На театральных подмостках...

Любите ли вы школьный театр так, как люблю его я? Почти как у классика! О-о-о-о! Школьный театр – это особый мир! Мир зарождающегося таланта, репетиций, особой режиссуры...

Театральная труппа любителей показать себя публике была создана молодым учителем литературы на базе нашего класса. Я училась тогда в девятом. Новый литератор Вячеслав Владимирович, или Славик, как мы его окрестили, появился в нашей школе после ухода на пенсию Совы, наимудрейшей Таисии Ивановны Самсоновой, нашей учительницы. Мы долго присматривались к Славiku, привыкали тяжело. Видимо, он почувствовал это и решил чем-то интересным зацепить нас. Предложил литературный кружок. И красноречиво заманил нас в литературную ловушку.

Раз! И полкласса ребят у него в кружке! Начало нашего творчества было прекрасным. Мы выпускали необычную для школы стенгазету, длинную и очень красивую. Склеивали три ватмана по горизонтали и начинали создавать шедевр. Я рисовала гуашью заставки, придумывала оформительские вензеля, карикатуры и иллюстрации к литературному творчеству учителей и учеников. Таких чудесных газет в школе ещё никогда не было! Наше «издательство» стало популярным в школе. Ребята ждали каждого нового выпуска! Ведь там были стихи и рассказы наших сверстников и любимых педагогов. Как выяснилось, Вячеслав Владимирович тоже писал классные стихотворения под псевдонимом «Вячеслав Еленин». Он долго не раскрывал нам секрет своего псевдонима, но, когда мы творчески сблизились, объяснил, что любит лирику Сергея Есенина. И он поменял одну букву в фамилии поэта. А позднее мы узнали, что его мать зовут Елена. В общем, всё логично. Если честно, Славик даже внешне был очень похож на Есенина, статный блондин с роскошной шевелюрой волнистых волос цвета спелой ржи.

Нам нравилось собираться по вечерам в родной школе и заниматься творчеством под руководством литератора. Он в мгновение ока сделался авторитетным и уважаемым. Расширяя границы общения с нами, шумными, порой жутко горластыми, а иногда и несносными, Вячеслав Владимирович задумал создать школьный театр. Создал, и бредовая идея стала явью.

Однажды вечером мы собрались на обсуждение репертуара. «А не замахнуться ли нам на Вильяма, понимаете ли, нашего Шекспира?» – вопили мы. (Прям как в кино!) Однако учитель остановил наши шекспировские страсти и предложил, понимаете ли, Островского. Мы как раз только изучили «Грозу». Хотя не всем данное произведение пришлось по вкусу, но огорчать Славика мы не смели. К тому же он представил сценарий пьесы «Праздничный сон до обеда» или, как называлась экранизация данного произведения – «Женитьба Бальзаминова». Такого Островского мы ещё не знали! Даже после первой прочитки сценария мы абсолютно все были влюблены в это произведение.

Славик держал в секрете распределение главных ролей. Иногда он очень внимательно разглядывал нас на уроке и улыбался. Потом называл, кто кого будет играть в пьесе. И надо сказать, выбор главных ролей был выстрелом в десятку: точен и оригинален. Роль маменьки предложил нашей Любочке, у которой голосок был как колокольчик, тоненький и звонкий. Ольга Колосова, при отсутствии комплексов, должна была сыграть сваху Акулину Гавриловну. А я, имея несколько крестьянскую внешность, – неуклюжую и смешную служанку Бальзаминовых – Матрёну. А вот главного героя Мишу Бальзаминова долго не могли найти. Не было в нашем классе столь колоритной фигуры, чтобы и внешние совпадения проглядывались. И на эту роль пригласили выпускника десятого класса – Сашку Татаринцева. Когда он пришёл на заседание труппы, все заулыбались. Очень похож! Учитель сказал: «Вот вам и Бальзаминов».

– Кличка есть? – с шуткой обратилась к Сашке Ольга Колосова.

– Кака, – не задумываясь, ответил он.

Все громко заржали. Не ожидали такого ответа.

– Почему Кака? – меня раздирало любопытство.

– Всё банально просто. У меня сестрёнка маленькая Ленка когда-то назвала меня Какой, ну вот так и прилипло.

Все опять засмеялись, но уже более скромно. Мы приняли Каку в свою творческую семью, и с этого момента он стал нашим лучшим другом.

Вячеслав Владимирович представил нам несколько сцен, где мы должны не просто играть роль, а блистать. По-другому никак! Он рисовал нам каждый актёрский портрет в определённой ситуации и при этом детально обговаривал, что хочет увидеть. В этот момент из Славика он превращался в настоящего режиссёра. Не меньше Станиславского, скажу я вам.

Готовились серьёзно, никому не хотелось ударить в грязь лицом. Когда вживались в роль и разглядывали друг друга, было весело. Учитель предупредил: «Смейтесь, пока можно. Но на генеральной репетиции нельзя и на сцене нельзя ни в коем случае».

С костюмами, конечно, было проблематично. Самим сшить нереально, эпоху должны продемонстрировать непростую. Шутка ли! Деятнадцатый век! Пришлось попросить костюмы в Доме культуры. Директор нашей школы написал соответствующую бумагу, по которой нам выдали платья и парики. Мы были счастливы! Но никто не знал, какая будет реакция, когда мы облачимся в эти костюмы.

Только мы нарядились, началась такая ржачка! Смех раздавался на всю школу. Каждый разглядывал прежде всего не себя. Мои одноклассники надели капоры с париками, я платок в стиле донской казачки, узлом на лбу. Было очень смешно. А Сашка-Бальзаминов натянул на голову курчавый нечёсанный лет сто парик и выглядел таким придурковатым, с косыми глазами Савелия Крамарова. И мы гоготали больше всего над ним. А он сначала над нами. Но когда увидел своё отражение в зеркале, залиvisto ржал над собой. Его минут пятнадцать не могли остановить. Казалось, он сейчас упадёт от смеха. Причём временами он затихал немного, потом переходил аж на визг. И это происходило, когда он вновь смотрел на себя в зеркало. Наконец он выбился из сил и громко засопел.

Сделали вывод: больше он не должен видеть своё отражение в зеркале. Иначе будет срыв спектакля. Но мы-то его видим! Нам-то как быть? Никто не мог ответить на этот вопрос. Вячеслав Владимирович предупредил всех строго: никакого смеха! Зрителям можно смеяться, нам нет!

Отработка отдельных сцен тоже стала незабываемой! Первая сцена была интересной: Матрёна завивает волосы Мише Бальзамину, рядом маменька. В данной сцене я, Сашка и Любочка. Идёт диалог:

– Не мешайте, маменька, Матрёна меня завивает! – говорит герой.

– Зачем завиваться? – спрашивает маменька и выдаёт ремарку: – Умишком-то его очень Бог обидел.

После этой фразы Сашка корчит обезьянью рожу и начинает заходить зычным смехом.

Вячеслав Владимирович останавливает репетицию:

– Ребята, так нельзя работать. Я же предупредил! Сейчас всех разгоню к чёртовой бабушке! – И лицо его сделалось мрачнее тучи.

А я подумала: чёртова мать, чёртова бабушка... однако их там много, этих таинственных женщин.

– Ну невозможно не смеяться, – вмешалась я. – Может, уберём эту фразу совсем?

– Нет! Ни в коем случае! Это же Островский! Уберёшь фразу – сломаешь весь текст. Посерьёзнее надо.

Прогоняем сцену ещё раз. Доходим до этой фразы, сдерживаем себя как можем, сдавливаем фразы до неузнаваемости своего голоса, но вытягиваем этот фрагмент. Учитель терпит, замечаний не делает. Потом вдруг уходит, ничего никому не сказав. Мы в растерянности.

– Допрыгались, – осуждает Любочка.

– Вот именно, – пробасила Ольга.

– Ну? Чего теперь-то? – спросила я.

– Может, за ним сбегать? Я мигом! – И Сашка рванул в коридор.

Через несколько минут он вернулся и нарушил нашу тишину:

– Нет его нигде.

Ребята загалдели, каждый высказывал свою версию, кто виноват в том, что Славик покинул репетицию. Кто-то выразил мысль, что лучше б на Шекспира замахнулись, меньше б ржали, там одни слёзы. Кака всех заверил, что у Шекспира тоже есть ржачные произведения. Любочка со своим рациональным умом предложила:

– Нечего тут торчать, пошли домой. Утро вечера мудренее. Завтра извинимся, и всё. Какие проблемы?

– Ну на что он обиделся? Сам сказал, смейтесь, пока можно. Комедию ведь играем. Чего не посмеяться-то? Тоже мне... кисейная барышня! Обиделся он! Вон меня Какой называют, вроде я г... Я ж не обижаюсь.

Все опять захохотали. И вдруг дверь распахнулась, и вошёл Вячеслав Владимирович. У Сашки кровь прилила к лицу. Он засмутился и сказал: «Извините, Вячеслав Владимирович, за “кисейную барышню”». А учитель ответил: «Ничего. Я действительно иногда бываю излишне ранимым, пройдёт». Никто и предположить не мог, что учитель вернётся. Все были рады. А Сашка стоял красный, как помидор: ему было стыдно за обидную реплику в адрес учителя. Ничего не поделаешь, слово не воробей!

– Берём в оборот вторую сцену, – строго сказал Славик. В ней – маменька, Матрёна, Миша и Акулина Гавриловна – сваха, которую изображает наша Ольга. Все разбежались по исходным точкам. Пошёл новый диалог, который начинала именно Ольга:

– В одном доме решили надо мной насмешку сделать, поднесли мне рюмку ладиколону.

– Скажите, какая насмешка, – возмутилась маменька.

– Ничего! Я выпила, да ещё и поблагодарила! – И сваха Ольга залпом осушила гранёную рюмочку с... водой.

И вдруг у меня вырывается: «Очень профессионально!» И тут опять все начинают ржать, потому что безупречная игра Ольги из области алкогольных шоу просто вызвала восторг. Мою фразу поддержал Миша Бальзаминов, наш Санёк:

– И где это ты так наблатьякалась?

– Где-где? В Караганде! – парировала Ольга, поставив руки в боки.

Но процесс уже пошёл. Смеялись все! И Вячеслав Владимирович тоже. Потом он постукал указкой по столу, и мы стали репетировать дальше эту сцену. После небольшого диалога о сватовстве маменька опять предложила свахе:

– Выпейте, Акулина Гавриловна, и закусите.

Сваха Ольга оглядела нас взглядом, о чём-то подумала и произнесла:

– И то выпить; об одной-то хромать будешь! – И она ещё раз так же безупречно опрокинула приготовленную ей рюмочку воды. И продолжила: – Я после первой не закусываю.

И вдруг голос Вячеслава Владимировича:

– Ты откуда взяла эту фразу?

– Папка так говорит, – с долей робости произнесла Ольга.

– А папка у тебя Островский, что ли?

Класс снова наполнился громким смехом. Было понятно, что Ольга хотела симпровизировать. А что? Удачно получилось. Островский был бы доволен! Кроме одного – это была вторая рюмка! И фраза никак не сочеталась с действием свахи.

Вячеслав Владимирович прекратил репетицию и отправил нас всех по домам до завтра. Мы выплелись из школы. Отчего больше мы устали? От репетиции или от смеха? Скорее всего от смеха. Шли молча. Сил не было даже говорить. Так и расползлись по своим улицам.

Потом репетировали ежедневно, так как наш дебют был уже назначен. Афиша рекламировала пьесу и её участников зазывно ярко!

В один из дней Славик собрал нас на генеральную репетицию, сказав, что спектакль покажем завтра на общешкольном родительском собрании. Мы заволновались. Вдруг сделаем что-то не так. Он нас успокоил, заверив, что каждый отлично вошёл в роль. Зритель будет смеяться обязательно, только артисты этого делать не должны, в который раз предупреждал он.

– А импровизировать можно, если вдруг забудешь оригинальный текст? – спросила я.

– Да, можно! Можно! Но!!! В духе времени и стиля Островского.

И Вячеслав Владимирович показал нам несколько приёмов замены реплик на иные, естественно, в духе автора. Словно он сто лет служил в театре! Чистый Станиславский!

Репетиция прошла гладко, без нервных срывов и смеха. Учитель был доволен, и мы тоже.

Наступил день премьеры. В спортивном зале сделали декорации, сто раз проверив все детали интерьера дома Бальзаминовых. Поставили стулья и лавки. На первом этаже проверили афишу. Висит красиво! Я ж её сама рисовала, за неделю не испортили. Одним словом, всё было готово к спектаклю.

До начала мы гримировались, облачались в костюмы. Через раздевалки спортивного зала в щель наблюдали, как собирается публика: родители, учителя и некоторые шустрые дети, которым удавалось прошмыгнуть в зал. Они прятались в углы, где аккуратно были сложены спортивные маты. Там лазутчики и ждали нашего выступления.

Зал был полностью набит как селёдкой в бочке. Нас стала охватывать паника. Вячеслав Владимирович тоже волновался. Ведь и у него дебют, только режиссёрский.

Прозвонили в колокольчик, и начался спектакль.

В зале была идеальная тишина. Наши голоса эхом раздавались по всему периметру. Акустика прекрасная! Всё слышно. Мы иногда поглядывали на режиссёра, он был доволен и улыбался. Все наши реплики а-ля Островский встречали на ура громкими аплодисментами и смехом.

Что характерно, когда наша сваха Ольга опрокидывала рюмочки, из зала тоже сыпались реплики мужчин:

– Во даёт!

– Убедительно!

– Батя натренировал!

Это была высшая похвала Ольгиному таланту.

Все мы блистали! И получали от этого огромное удовольствие. Я так вошла в раж, что, уходя после очередной сцены в раздевалку, сильно хлопбыгнула дверью, не видя, что именно там, за дверью, сидит наша учительница химии – Альбина Алексеевна. Естественно, я попала ей по ногам. От боли она скорчилась, но стоически не произнесла ни звука. Я это заметила, расстроилась и, выходя на очередную реплику, прошептала:

– Простите, Альбина Алексеевна.

– Ничего, ничего, Лена, продолжай.

И я вновь веселила своей ролью публику. Это было триумфальное выступление всей нашей труппы. Зрители приветствовали нас стоя, как в настоящем театре, когда мы вместе со своим режиссёром выходили на поклон. Кричали «браво», «бис», «молодцы». А мы, крепко взявшись за руки, кланялись снова и снова.

На следующий день мы проснулись знаменитыми на всю школу. Я ещё несколько раз извинялась перед Альбиной Алексеевной за удар по ногам дверью. Она улыбалась и говорила, что на актрис не обижаются. Но мне было неудобно, потому что она прихрамывала. А в школе потом ещё долго говорили о том, что Козлова из 9 «Б» чуть не убила химичку. Так радость триумфа омрачилась нанесением учителю травмы. Я ходила за Альбиной Алексеевной по пятам и каждый раз, когда наши взгляды сходились, я говорила:

– Простите, Альбина Алексеевна, я не нарочно, – наполняла я знакомую фразу новыми извинениями.

– Ты отстанешь от меня, Козлова, или нет? – произнесла она строго наконец. – Если не перестанешь передо мной извиняться по несколько раз на дню, буду спрашивать на химии каждый урок.

– Не надо! Я всё поняла.

Проблем с химией не хотелось. Извинения закончились.

Потом были выступления нашего театра в Доме культуры, в других местах города. И спектакли ставили разные. Два года театральной жизни пролетели незаметно. После окончания школы разлетелись кто куда. Но, к сожалению, ни один из нас не выбрал себе театральную стезю. Всё осталось там, на школьных театральных подмостках. Впрочем, Серёжка Петушков, один из нашего выпуска, всё же стал студентом «Щуки», крутого театрального училища, но его не окончил. А всё почему? Потому что не входил в состав нашей школьной труппы и не замахнулся ни на Вильяма, понимаете ли, нашего Шекспира, ни на нашего Островского!

Гармонь моя да гармониочки...

Какое веселье в деревне без гармонии? Гармонист в деревне – это бог русской песни, раздольной, звонкой, незабываемой... А сама гармонь? Это, без сомнения, символ России, символ народной души. Она – часть нас, нашего русского характера! Самое невероятное ещё и то, что это иностранное изобретение девятнадцатого века удивительным образом стало чисто русским. Стало любимым музыкальным инструментом нашего народа.

А уж кто имеет гармонь – тот первый парень на деревне. Девки табунами выются возле гармониста, поют и пляшут от души. Рассекают косами воздух, поднимая пыль в ритме русского танца. И каждая поёт только для него, для гармониста.

Гармонь в доме моего деда появилась не случайно. Один из его зятьёв, мой дядя Александр Макеевич, которого в нашей семье звали просто – Макеич, был отменным гармонистом. Приезжал он со своей женой и детьми в родительский дом нечасто. Но когда приезжал, то обязательно с гармонью. И гулянье разворачивалось на всю деревню. Собирались соседи все вместе, гуртом. И вот уже песенно-танцевальная волна захлёстывала всю деревню Воронинскую.

Макеич виртуозно владел инструментом. В его руках гармошка становилась волшебной. Любую мелодию на заказ изобретали умелые пальцы. Дядя Саша гордился собой, а мы им. Умел он и людей завести, как музыкальную шкатулку. Все ему подчинялись, как гипнотизёру. Он и сам не прочь был спеть или выкинуть какой-нибудь фортель в виде частушки с матерком. С картинками, как говорила его жена, наша тётя Шура. Имена у них даже были одинаковые – а звали их Саша и Шура, чтоб не спутать.

Жил дядя Саша с семьёй в Новинке, маленьком рабочем посёлке недалеко от станции Куровское. Работал в Новинковском клубе директором, вёл праздники, вечера, тамадил. И у него было аж две гармони и один баян. Однажды Макеич принял решение: оставить одну гармонь у нашего деда Андрея в Воронинской. Вот так одна двухрядка перекочевала к его тестю и осталась там навсегда.

Наш дед Андрей не играл на гармонии, скорее пиликал. И то, когда примет малость с какого-нибудь расстройств или на радостях. Он и петь-то не умел толком, а подвывал свою любимую песню «По муромской дорожке...» Я и сейчас помню, как он её в струну вытягивал и плакал, а мы, внуки, слушали молча:

*По муромской дорожке
Стояли три сосны.
Прощался со мной милый
До будущей весны...*

Песня эта была женская, но дед её очень любил и пел столько раз, что мы, кто были свидетелями этого хрипло-плаксивого исполнения, её выучили влёт. Причём он сам себе аккомпанировал! И если слова песни можно было понять, то стон гармошки уловить было невозможно. Звуки разные, не сложенные в мелодию, вылетали сами собой и никак не могли украсить песню. Так дед коротал своё одиночество или показывал нам, внукам, свою боль. Мы и не замечали, что дедушка не умеет играть. И что гармошка его не слушается. Мы любили его всем сердцем со всеми его умениями или неумениями. Но каждый из нас, когда гармошка выскобжалась из его рук, сразу её хватал и пробовал растянуть меха и издать хоть какое-нибудь звучание. Такое было впечатление, что гармонь непременно должна заиграть сама. А нам только останется раздуть меха. Потом про неё все забывали и понимали: гармонь ждёт Макеича. Только ему она подчинялась полностью. Только он мог заставить русскую душу смеяться и плакать под залиvistый звук двухрядки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.